

Генерал А. И. Еременко

Д. Б. Хазанов*

Одно из наиболее сильных разочарований первых месяцев войны для И. В. Сталина — слабый уровень подготовки высшего командного состава. Из занимавших в довоенные годы важнейшие посты в армии вождь, как оказалось, в какой-то степени мог теперь положиться только на генерала армии Г. К. Жукова и маршала Б. М. Шапошникова. Маршалов С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова и С. К. Тимошенко в течение года боевых действий пришлось направить на менее ответственные направления, Г. И. Кулика даже разжаловать в генерал-майоры после очередного провала. Кадровый вопрос остро стоял на повестке дня...

Среди тех, на кого пал выбор Верховного главнокомандующего в то трудное время, был А. И. Еременко. Андрей Иванович — военный с огромным опытом, начавший службу унтер-офицером накануне Первой мировой. Воевал в Гражданскую, участвовал в освободительных походах Красной Армии, в декабре 1940 г. дослужился до командующего 1-й Особой Краснознаменной армии. Прибывший с Дальнего Востока, генерал-лейтенант Еременко, занимая должности командующего и зам. командующего Западным фронтом, сумел после катастрофических неудач в короткий срок отчасти стабилизировать ситуацию на Западном направлении: временно остановить врага в ходе Смоленского сражения.

За летние месяцы 1941 г. размах борьбы с немцами значительно возрос, что вынудило Ставку ВГК создавать новые объединения. Для прикрытия Москвы с юго-запада 14 августа

был сформирован Брянский фронт во главе с А. И. Еременко, который во время переговоров 24 августа по аппарату БОДО со Сталиным и Шапошниковым просил пополнений людьми и техникой, одновременно заверив вождя: «А этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную Вами, выполнить»¹.

При фланговом ударе по противнику войска Еременко нанесли определенный урон наступавшей на юг 2-й танковой группе Гудериана, однако не смогли предотвратить ее выхода в тыл войскам Юго-Западного фронта (и, следовательно, выполнить обещание, данное командующим вождю), что впоследствии привело к одной из крупнейших катастроф Красной Армии: по данным историка Н. М. Раманичева, в районе Киева в окружении погибли или попали в плен 438 тыс. чел.² В докладной записке в Ставку генерал Еременко указывает как важную причину больших собственных потерь и невыполнения задачи проявление паникерских настроений, трусости отдельными бойцами и командирами и даже уход в тыл некоторых частей без приказа.

В сознании широких масс читателей заградотряды были созданы по инициативе Сталина после оглашения 28 июля 1942 г. знаменитого приказа № 227, известного как «Ни шагу назад!». Однако приведем малоизвестный факт: Андрей Иванович Еременко выступил с инициативой создать в тылу своего фронта заградительные отряды примерно на 10 месяцев раньше. 5 сентября 1941 г. ему поступила директива Ставки ВГК, одобряющая предложенные меры в отношении

* Дмитрий Борисович Хазанов — действительный член Ассоциации историков Второй мировой войны

дивизий, зарекомендовавших себя неустойчивыми. «Цель заградительных отрядов — не допускать самовольного отхода частей, а в случае бегства, остановить, применяя при необходимости оружие», — телеграфировал командующему маршал Шапошников. Через неделю Ставка распространила эту практику и на другие войска Красной Армии³.

А. И. Еременко было присвоено 11 сентября 1941 г. очередное воинское звание «генерал-полковник», что, безусловно, стало признанием его заслуг. Однако тяжелое испытание ждало его менее, чем через три недели, когда Г. Гудериан нанес мощный и сокрушительный удар по Брянскому фронту, которым по-прежнему командовал Еременко. Оборона рухнула, управление соединениями было нарушено, ввод резервов Ставки не спас положения. Находившийся в войсках командующий получил 13 октября тяжелое ранение, а при эвакуации в тыл санитарный самолет потерпел аварию, пилот и пассажир едва не погибли.

На следующий день после дня рождения (14 октября 1941 г. Андрею Ивановичу исполнилось 49) его навещил в московском госпитале И. В. Сталин — это, вероятно, единственный случай подобной демонстрации расположения со стороны вождя в годы войны. К тому же, нельзя забывать, что это было очень тревожное время — никто не мог поручиться, что Москву удастся удержать после катастрофы всех трех фронтов, ее защищавших. Едва оправившись от ран, генерал Еременко возглавил 4-ю ударную армию, с которой участвовал в контрнаступлении в рамках Московской битвы из района Осташкова на Пено, Андреаполь. На этот раз вверенные ему войска действовали удачнее, но 19 января 1942 г. командарм был вторично ранен — снова в результате авианалета противника. Отдадим должное мужеству генерала: 23 дня, пока проходила операция его армии, он продолжал командовать войсками с носилок, несмотря на сильные боли в поврежденной осколками ноге.

Все или почти все вышесказанное можно узнать из воспоминаний А. И. Еременко «На Западном фронте», изданных в 1959 г. Книга «Сталинград» была написана и вышла в свет на несколько лет позже, в период, когда первым секретарем ЦК КПСС и единоличным лидером страны был Н. С. Хрущев — неизменный член Военного совета фронтов, которыми руководил в период Сталинградской битвы Еременко. Не только в книге, но и согласно документам, между

ними сложились дружеские отношения, поэтому подчеркивание особого беспокойства Хрущева за судьбу города, его роли в недопущении паники и растерянности в тех или иных местах обороны, и даже встречающиеся обороты «о необходимости посоветоваться с Никитой Сергеевичем», не кажутся натянутыми. Несмотря на сильный налет идеологической заданности, неизбежной в те годы, книга Еременко в целом весьма интересна. Из нее читатель узнает важные подробности операций, проводившихся под его руководством, увидит работу командующего в деталях, оценит проблемы управления войсками.

В своих воспоминаниях Еременко поведал, как Сталин дважды принимал его (в ночь на 2 августа 1942 г. и в следующую, после ознакомления с обстановкой) перед направлением на один из важнейших тогда фронтов. Этот тезис подтверждается журналом посещения И. В. Сталина в его кремлевском кабинете. Видимо, не совсем правда другое: преувеличенная забота о состоянии здоровья Андрея Ивановича со стороны вождя не соответствовала сложившейся обстановке. Во всяком случае, в директиве Ставки, направленной новому командующему, звучали стальные нотки: «Тов. Сталин категорически приказал не позднее вечера 7 августа вступить в командование войсками фронта и приступить к руководству операциями. Получение подтвердить. Исполнение донести»⁴.

Будем справедливы: к этому моменту ситуация на дальних подступах к Сталинграду существенно ухудшилась. Предшественник Еременко генерал В. Н. Гордов, хорошо себя зарекомендовавший как командарм, оказался несостоятельным в должности командующего фронта. Бои в большой излучине Дона в последнюю неделю июля 1942 г., проходившие при нашем значительном численном перевесе, завершились тяжелым поражением советских войск. Историк О. Н. Кудряшов на основании архивных данных пришел к выводу: накануне Красная Армия имела перевес в силах по личному составу в 1,5 раза, по артиллерии — в 2, а по танкам — в 3 раза⁵. Автор не использовал важные факты, как, например, Сталинградский тракторный завод, выпускавший танки Т-34, а также учебный центр подготовки танкистов.

Возможно, после череды поражений в районе подступа к Сталинграду, Сталин просто не захотел разговаривать с незадачливым генералом Гордовым, в его глазах главным виновником

поражения. Во всяком случае, директиву Ставки командующему войсками Сталинградского фронта в связи с очередной неудачей подписал 6 августа один генерал А. М. Василевский: «Ставка Верховного Главнокомандования возмущена тем, что Вы допустили прорыв танков противника через южный фас сталинградского обвода, не оказав ему здесь должного сопротивления, и категорически требует под Вашу личную ответственность в течение сегодняшнего дня во что бы то ни стало восстановить положение...»⁶.

Еременко начал оптимистично. Приказ командующего Юго-Восточного фронта № 1 о вступлении в должность скорее напоминает политдонесение. Но уже в следующем документе речь шла о более грамотных организации боя и взаимодействии огневых средств. Именно Еременко пришлось решать задачу, которую не смог решить предшественник, — не дать противнику выйти к Сталинграду с юга. В целом контрудар у станции Абганерово оказался удачным, парировал прорыв немцев.

Сталин решил разделить растянутый Сталинградский фронт на два фронта: Сталинградский (во главе с В. Н. Гордовым) и Юго-Восточный (во главе с А. И. Еременко). Сказано — сделано: директива Ставки 5 августа утвердила новые реалии. А уже 9 августа генерал-полковник А. И. Еременко вступил в командование одновременно обоими фронтами, а генералы В. Н. Гордов и Ф. И. Голиков стали его заместителями. Последнее решение имело как позитивные, так и негативные последствия, однако очевидно: ответственность А. И. Еременко за судьбу обороны резко возросла, тем более, что вскоре ему подчинили также Волжскую военную флотилию и Сталинградский корпусной район ПВО.

Несмотря на принятые меры (направление многочисленных резервов, перестановки в командном составе), Ставка ВГК оставалась неудовлетворенной действиями наших войск на дальних подступах к Сталинграду. 10 августа И. В. Сталин и А. М. Василевский послали в войска директиву, где, в частности, говорилось: «На Сталинградском фронте за шесть дней боев 12 наших танковых бригад при значительном нашем превосходстве в танках, артиллерии и авиации над противником из 400 танков вышли из строя 326, из них по технической неисправности около 200, причем большая часть танков осталась на поле боя... Считая невероятным такой недопустимо высокий процент танков, выбывших из строя по техническим неисправностям,

Ставка усматривает здесь наличие скрытого саботажа и вредительства со стороны некоторой части танкистов...»⁷.

Если критику, выраженную в этой директиве, можно было мысленно переложить на плечи предшественника, то 15 августа уже генералу Еременко Сталин бросил упрек, мол, он «кладет пятно позора на советское командование» за не оказание помощи окруженным войскам⁸. Действительно, командование фронтом все резервы тогда направило 64-й армии, стремясь не допустить прорыва 4-й танковой армии врага к Сталинграду с юга. Что касается сражения западнее Дона 62-й армии с войсками 6-й германской армии, то борьба завершилась нашим поражением; к моменту выхода директивы Ставки окруженные прекратили оказывать сопротивление.

«В трехдневных боях, характеризовавшихся участием крупных сил танков, большинство оборонявшихся до последнего патрона русских западнее Дона было уничтожено, — резюмировал бывший немецкий генерал Г. Дёрр. — 10 августа 6-я армия одержала полную победу, последнюю в сражении на открытой местности. По какой причине она не была использована для немедленного форсирования Дона, автору установить не удалось»⁹.

Создается впечатление, что при принятии необходимых контрмер Еременко опаздывал, отставал от быстро менявшейся обстановки. Например, боевое распоряжение 20 августа предусматривало мероприятия по созданию танконепроходимых полос обороны на левом берегу Дона, для чего войскам выделялись в большом количестве мины. Однако пока минирование выполнялось, немцы захватили плацдармы на противоположном берегу, навели переправы. Да, они не использовали одержанную в начале месяца победу для немедленного прорыва к Сталинграду, но, не мешкая, подтянули резервы.

Германское командование добилось поставленной цели: 23 августа моторизованная группа вышла к Волге севернее Сталинграда, надвое разрезав фронт обороны. Одновременно вражеская авиация подвергла город варварской бомбежке. Это был один из наиболее тяжелых дней, «увиденное... поразило нас, как тяжелый кошмар», — вспоминал А. И. Еременко¹⁰. Донесение командующего в Москву в тот день не сохранилось, а вот ответная радиограмма Сталина (полученная еще до разрушения города с воздуха) свидетельствует о слабом знании Верховным обстановки, шоковом состоянии от полученных

известий. Там присутствуют указания: «Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага...»¹¹.

Ценой невероятных усилий кризис удалось преодолеть. Начались исключительно кровопролитные бои на подступах и в самом городе. До недавнего времени мы, к сожалению, имели весьма смутное представление о том, как они проходили. Точнее, были известны только героические страницы. Публикация рассекреченных материалов военной цезуры позволила стереть еще одно «белое пятно» в истории, беспристрастно показать, каким непростым путем, с огромными жертвами мы шли к победе. Так, один из подчиненных генерала Еременко, неизвестный боец 64-й армии в конце августа слал восточку домой: «Опишу бездарное наше положение. До фронта доехали с горем пополам, по приезде на второй день вступили в бой с немецкими танками и пехотой, и мы были разбиты вдребезги, немного осталось от дивизии. Наше подразделение в 120 чел. было вооружено десятью винтовками, осталось в резерве, но попало в окружение танков и чуть не погибли, [едва] удалось выбраться... Такая участь постигла не только нашу дивизию, но и другие. Люди голодные, измученные походом вступают в бой с голыми руками. Вот как мы воюем. Положение наше неважное, настроение чертовски плохое...»¹².

С начала сентября Еременко и его штаб эвакуировались за Волгу. Одно из донесений в Ставку в конце месяца вместо командующего подписал начальник штаба фронта генерал Г. Ф. Захаров. На документе есть пометка: «Командующий ЮВФ и СТФ генерал-полковник Еременко и член Военного совета тов. Хрущев находятся на СТЗ (Сталинградском тракторном заводе)»¹³. Там их встретил начальник штаба 62-й армии Н. И. Крылов, впоследствии маршал Советского Союза. Ранее он видел командующего только однажды в момент представления в начале августа 1942 г., прилетев в Сталинград с Кавказа. Николаю Ивановичу хорошо запомнились первые слова, с которыми к нему обратился Еременко: «Пришел поглядеть, как вы тут живы. Товарищ Сталин приказал самому у вас побывать и доложить, что здесь творится»¹⁴.

Несмотря на строжайший запрет, Андрей Иванович в годы войны вел фронтовой дневник, записи которого потом ему очень пригодились при написании мемуаров. Вызывает удивление, что фамилии многих героев Сталинграда, чьи

имена, что называется, были на слуху, написаны с ошибками, как, например, «мастера воздушно-го боя» капитана П. Н. Белясника или лейтенанта Г. К. Гультияева (оба Герои Советского Союза)¹⁵. Вероятно, Еременко кому-то «наговаривал» свою будущую книгу, не проверив потом текст. Под «эскадрильей асов УДЭ»¹⁶, несомненно, имеется в виду 3-я немецкая истребительная эскадра «Удет».

Кстати, в книге воспоминаний маршал Еременко отдает должное советским летчикам и их командирам. Однако в действительности отношения с авиационными начальниками, находившимися в его полном подчинении, у него «не сложились». Особенно трудно пришлось молодому генералу Т. Т. Хрюкину, возглавлявшему 8-ю воздушную армию. По воспоминаниям командира одной из дивизий С. А. Егорова, зам. главного инженера авиационного объединения И. И. Бондаренко и других участников сражения, Еременко слабо разбирался в специфике воздушного боя, не знал материальной части ВВС. Он называл «пешки» П-2, требовал организации патрулирования «ястребков» над своим КП и наступающими войсками, не понимая, что летающие на малой скорости и на небольшой высоте самолеты сами превращались в мишени для вражеских «охотников», особенно учитывая превосходство (качественное и количественное) противника в авиации на сталинградском направлении. Первый секретарь Сталинградского обкома ВКП (б) и член Военного совета фронта А. С. Чуянов записал: «[Хрюкин] не жалуется, но ему нелегко... Кажется, что командующий А. И. Еременко не всегда справедлив к нему. Он требует, чтобы тихоходные „ишаки“ справлялись с армадой фашистских „мессершмиттов“...»¹⁷.

Генерал В. Н. Киселев, в то время капитан, наводивший на врага самолеты 8-й воздушной, вспоминал, как командующий фронтом часто называл себя «генералом обороны, присланным для того, чтобы отстоять Сталинград», а все возражения Т. Т. Хрюкина, неизменно встречали отповедь А. И. Еременко примерно следующими словами: «Вы молоды учить меня, Вы еще под стол пешком ходили, а мы уже рубались с белыми... На войне не грамота нужна, а твердость, смелость, решительность. Пожестче требуйте с подчиненных, в этом главное, и добьетесь большего результата... Знание техники — это дело инженеров и механиков, а наше дело командовать и быть неумолимым к подчиненным. На войне главное безотказно и безропотно вы-

полнять требования начальства, а не искать объяснений и оправданий своих промахов... Начальство любит, когда подчиненный берется за любое дело, хотя бы и за такое, которое впоследствии оказывается невыполненным»¹⁸.

Необходимо подчеркнуть: то, что называется «обороной Сталинграда», на некотором этапе борьбы вылилось, прежде всего, в серию частных наступательных операций (конец августа — сентябрь), которые предпринимало наше командование преимущественно севернее города. Советских и немецких войск здесь было занято больше, чем в самом Сталинграде. Думается, в донесениях и докладах в Ставку ВГК их влияние на судьбу защитников сильно преувеличено, потери наступавших оказались неоправданно огромными, результаты — незначительными. Главная ответственность за организацию и проведение неудачных наступлений лежит на Г. К. Жукове, Г. М. Маленкове, А. М. Василевском и уже во вторую очередь — на А. И. Еременко.

Как известно, Сталин — человек крайне недоверчивый, склонный искать врагов, виновных в неблагоприятном развитии событий, в разных эшелонах военного и государственного руководства. Так он поступал до войны и не отказался от подобной практики в первые годы Великой Отечественной. Уже в его распоряжении от 25 августа 1942 г., направленном находившимся под Сталинградом представителям Ставки, высказывается, правда, завуалированно: неспроста, мол, Красная Армия терпит поражение за поражением, «мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта»¹⁹.

Из песни слова не выкинешь — Еременко и Хрущев приняли предложенные «правила игры» и в донесениях Сталину, в Генштаб нередко сваливали причины неудач на ближайших помощников. Так, во время переговоров 24 сентября по прямому проводу с заместителем начальника Генерального штаба генералом Ф. Е. Боковым руководители обороны наделили весьма нелестными характеристиками практически все свое окружение, прежде всего, генералов В. Н. Гордова, Д. Н. Никишева, К. А. Коваленко, И. Н. Рухле. Про последнего — в то время начальника оперативного отдела фронта — например, говорилось, что он «никчемный человек, боящийся ответственности, неточный, неаккуратный и притом трус»²⁰.

Буквально через несколько дней Ставка провела новые организационные мероприятия,

вызванные еще более возросшей протяженностью фронта борьбы в районе Сталинграда, создав новый Донской фронт во главе с генералом К. К. Рокоссовским, а бывший Юго-Восточный фронт переименовала в Сталинградский (командующий генерал Еременко). Этим решением генералы Гордов и Рухле были отозваны в Москву в распоряжение наркома обороны. Вскоре Ивана Никифоровича Рухле арестовали. Как вспоминал ветеран военной контрразведки Л. Г. Иванов, после войны он разбирал архив начальника Главного управления контрразведки «Смерш» В. С. Абакумова и наткнулся на следственное дело одного из первых красных командиров. В тонкой папке находилось донесение командования фронтом (Еременко и Хрущева) в ГКО от 22 сентября 1942 г., где генерал признавался одним из главных виновников срыва нашего наступления. Красным карандашом Сталин нанес резолюцию: «Рухле арестовать»²¹.

По документам НКВД историк В. С. Христофоров установил, что следствие велось почти 10 лет без вынесения обвинения. Иван Никифорович категорически отвергал обвинения в шпионаже в пользу Германии, его изменническая деятельность не нашла документального подтверждения, хотя Рухле признал свои ошибки, считая их следствием недооценки противника, неумения организовать планирование и управление, а не злого умысла. В марте 1953 г. Военная коллегия Верховного суда СССР признала И. Н. Рухле виновным в халатном отношении к своим обязанностям и приговорила к 10 годам лишения свободы, считая срок отбытия наказания с 5 октября 1942 г. Не прошло и двух месяцев, как Пленум Верховного суда прекратил дело Рухле за отсутствием состава преступления и освободил бывшего генерала. Теперь его с положительной стороны характеризовали командиры, под чьим началом он служил под Сталинградом, в том числе А. И. Еременко²².

Вернемся в осень 1942 г. Положение в городе продолжало осложняться каждую неделю. 5 октября начальник управления НКВД ст. майор ГБ И. А. Воронин направил телефонограмму наркому внутренних дел Л. П. Берия об ухудшении обстановки в Сталинграде. «Противник, развивая наступление на северо-западном и северном участках города в районе завода „Красный Октябрь“, вышел на линию железной дороги СТЗ — город, занял верхний поселок завода „Баррикады“ и горный поселок тракторного завода»²³. У Сталина было много информаторов,

с этим донесением он, несомненно, ознакомился, поскольку отреагировал мгновенно — направил в тот же день генералу А. И. Еременко директиву с такой оценкой: «Я недоволен Вашей работой на Сталинградском фронте и требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда»²⁴.

В книге «Сталинград» можно найти свидетельства о том, как изменилось для нас к худшему положение в начале октября: «Связь с основной базой обеспечения, которая находилась за Волгой, непрерывно нарушалась, так как переправы и причалы были под непрерывным огнем артиллерии и минометов и хорошо наблюдались противником. В распоряжении войск армии оставалась крайне ограниченная территория, простреливавшаяся всеми видами огня, вплоть до пулеметного. Маневрировать в этих условиях было необычайно трудно. Маневр стал возможен только вдоль берега Волги ночью или при искусственном задымлении»²⁵.

На следующий день после получения очередной критической директивы Еременко вместе с Хрущевым попытались оправдаться в глазах Верховного: «Благодаря тому, что мы возлагали большую надежду на помощь с севера, в которой безусловно были уверены, и рассчитывали, что она придет через 3–5 дней, а поэтому и не усилили своевременно войска, дерущиеся за Сталинград... Это привело к тому, что противник подошел к стенам Сталинграда, а на отдельных участках вошел в город... Случаев, когда противник теснит наши войска, — мало, а больше таких случаев, когда противник уничтожает наши силы непрерывным ударом авиации и тяжелых танков»²⁶.

Суровый, немногословный и требовательный командующий полагал, что необходимо еще жестче спрашивать с подчиненных, не выполнивших приказ «Ни шагу назад!». Доказательств того, что именно Еременко форсировал работу карательных органов, у нас нет, однако огромные цифры задержаний и арестов весьма красноречивы. Правда и то, что по мере продолжения боев в городе, их ожесточение нарастало. Казалось, что ничто не может устоять перед мощными бомбежками, артиллерийским обстрелом, который дополняли выстрелы танковых пушек и пулеметов врага.

Однако советские бойцы и командиры мужественно продолжали борьбу, из-за Волги их поддерживали многочисленные батареи ствольной и реактивной артиллерии, по ночам — легкие бомбардировщики У-2. Под вражеским огнем работали многие переправы, регулярно

доставляя пополнения, минимально необходимые запасы для продолжения сопротивления. Постепенно Сталинград «перемолол» все немецкие резервы, настроение военнослужащих вермахта упало, недавно казавшейся такой близкой победа — ускользала, хорошо отлаженная «военная машина» начала пробуксовывать. В оценке ситуации можно полностью согласиться с Еременко, высказанной им в книге на основе допросов пленных, дневниках убитых солдат и офицеров, других трофейных документов.

Следует отметить, что в эти дни, когда генералы Жуков и Василевский успели обсудить со Сталиным лишь первые наброски будущего контрнаступления — операции «Уран», командующие фронтами предложили «свои решения», начали в строжайшей тайне вести расчет сил и средств по еще не принятому Ставкой плану. Этот феномен можно объяснить тем, что идея удара по флангам увязшей в Сталинграде 6-й германской армии буквально «висела в воздухе». Предложение генерала А. И. Еременко поступило первым, причем за короткий срок он направил Сталину два варианта возможного контрнаступления.

По второму, доработанному варианту от 9 октября, осуществлялся «выход на главные коммуникации противника в районе Калача и переправы через р. Дон на участке Калач — Вертячий». Генерал Еременко не сомневался, что «с выходом в этот район мы лишаем противника самого главного — маневра его подвижных танковых и моторизованных сил, действующих в районе г. Сталинград; изолируем от главного удара, а значит, и уничтожаем противника на западном и южном берегах р. Дон по частям». Особая часть плана — рейд специально выделенной кавалерии на вражеские аэродромы, уничтожение самолетов и баз²⁷.

«В плане Еременко много было решений рейдово-диверсионного характера, — критиковал командующего историк А. В. Исаев. — Такие акции могли осложнить немцам жизнь на несколько часов... Его предложение проводить операцию кавалерией представляется совершенно беспомощным. В таком варианте это не столько контрудар, сколько рейд с целью уничтожения коммуникаций противника. Успех его представляется более чем сомнительным. У немцев было достаточно сил на правом берегу Дона, чтобы развеять кавалерию по ветру даже в случае успеха с прорывом к переправам у Калача и Вертячего...»²⁸.

Как известно, был подготовлен, принят и осуществлен более амбициозный и дерзкий, с широким размахом операции и участием трех фронтов план «Уран», который и привел к успеху Красной Армии. Ударив 19–20 ноября по слабым немецким флангам, удерживаемым румынами, наши войска прорвали линию фронта и через нескольких дней моторизованные и танковые группы Сталинградского и Юго-Западного фронтов встретились в Калаче на Дону — в кольце оказались 6-я полевая и часть сил 4-й танковой армий неприятеля. Попытки гитлеровского командования деблокировать окруженных провалились.

Вспоминая о том, как И. В. Сталин принимал разные меры, чтобы как можно быстрее покончить с зажатой в районе Сталинграда немецкой группировкой, постоянно торопил командующих фронтами, Г. К. Жуков привел в своей книге диалог, состоявшийся в конце декабря 1942 г. в Кремле:

«Верховный предложил: „Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела“.

Присутствующие члены ГКО поддержали это мнение.

„Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?“

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

„А вы что молчите?“ — обратился Верховный ко мне.

„На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского“.

„Сейчас не время обижаться“, — отрезал И. В. Сталин и приказал мне: „Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного комитета обороны“»²⁹.

Упомянутый в цитате «кто-то» — начальник Генштаба А. М. Василевский. Александр Михайлович и не скрывал, что считал Рокоссовского одним из выдающихся полководцев наших Вооруженных Сил. Ему импонировали глубокие знания, мужество, храбрость, огромная работоспособность и неизменная забота о подчиненных, которые любили своего командующего. О том, как Еременко «отомстил» Василевскому можно судить по воспоминаниям последнего.

Начальник Генштаба как представитель Ставки, якобы, предложил неудачный план отражения деблокирующего удара Манштейна, требовавший значительной перегруппировки сил, однако Василевский «воспринял критику, как подобает коммунисту», отказался от своего ошибочного предложения и одобрил план, разработанный командующим фронтом. Ссылаясь на донесение Верховному от 18 декабря, другие документы, Александр Михайлович доказывает, что сказанное его оппонентом — миф, как и помещенная в приложении книги «Сталинград» приписанная ему схема № 20 — такой не существовало. Поддержал Василевского и способствовал восстановлению «исторической правды» маршал Р. Я. Малиновский, в декабре 1942 г. командовавший 2-й гвардейской армией, наносившей главный удар по наступавшему врагу³⁰.

Первым с начала войны орденом Андрей Иванович Еременко был награжден 28 января 1943 г. за умелое руководство войсками в ходе контрнаступления под Сталинградом — это был недавно учрежденный орден Суворова I степени. В ходе развернутого широкого наступления Южного фронта, обострились старые раны, и генерал вновь попал в госпиталь. «Особо доверительные отношения» со Сталиным не прекратились — в августе 1943 г. вождь посетил Еременко во время единственного приезда на фронт, имел с ним длительную ночную беседу. Однако это тема уже другого исследования...

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170634 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА ОБ ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА

Копия: командующему войсками Донского фронта

5 октября 1942 г. 14 ч 30 мин

Я думаю, что вы не видите той опасности, которая угрожает войскам Сталинградского фронта. Заняв центр города и выдвинувшись к Волге севернее Сталинграда, противник намерен отобрать

у вас переправы, окружить 62-ю армию и взять ее в плен, а после этого окружить южную группу ваших войск, 64-ю и другие армии, и тоже забрать их в плен. Противник может осуществить это свое намерение, так как он занимает районы переправ через Волгу как на севере, так и в центре и на юге от Сталинграда. Чтобы предотвратить эту опасность, надо оттеснить противника от Волги и вновь захватить те улицы и дома Сталинграда, которые противник отобрал у вас. Для этого необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость. К сожалению, вы этого не сумели сделать и все еще продолжаете сдавать противнику квартал за кварталом. Это говорит о вашей плохой работе. Сил у вас в районе Сталинграда больше, чем у противника, и несмотря на это, противник продолжает теснить вас. Я недоволен Вашей работой на Сталинградском фронте и требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена.

И. СТАЛИН
Продиктовано по телефону.
ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 185, 186. Подлинник.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

№ 1

7 августа 1942 г.

Действующая армия.

1. Сего числа я вступил в командование войсками Юго-Восточного фронта.

Основная наша задача — разбить врага, рвущегося к Сталинграду и отбросить фашистские орды за пределы нашей Родины.

2. Товарищи! Нам выпала честь защищать город Сталина.

Не посрамим же чести этого дорогого имени и нашей Родины. Обращаюсь к Вам, боевые соратники, — бойцы, командиры и политработники; к Вам, братья по плоти и крови, — русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне и люди других национальностей; к Вам, братья по нашему отечеству, по боевому сотрудничеству.

Обращаюсь к Вам с призывом и приказом.

Ненавистные и озверелые орды фашизма залили кровью оккупированные области, они залили кровью и слезами наших матерей, отцов, детей, братьев и сестер. Реки пролиты крови и слез; столько пролиты невинной крови и слез, что в них можно утопить всех гитлеровских кровожадных бандитов.

Гитлеровские бандиты опозорили и обесчестили наших девушек и жен.

Зверски избивают и уничтожают наш народ.

Товарищи! Кровью обливается сердце, когда вспоминаешь эти зверства.

Мы — бойцы, — защитники Великой Родины, не можем больше терпеть этого издевательства над нашим народом.

Со всей злобой и ненавистью мы будем уничтожать заклятого врага.

В сражениях под Сталинградом положим начало концу истреблению гитлеризма.

Слава нашим героям, бойцам, командирам и политработникам, храбро сражающимся за нашу Великую Родину.

Пусть скажут о каждом из нас, что он был в Великом сражении под Сталинградом.

Ни шагу назад, таков приказ народа, таков приказ Сталина. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЮВФ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ЕРЕМЕНКО
ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА Н. ХРУЩЕВ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЮВФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЗАХАРОВ

ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 570. Д. 9. Л. 25, 26. Подлинник.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170562 КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТОВ О РЕОРГАНИЗАЦИИ РУКОВОДСТВА ОБОРОНОЙ СТАЛИНГРАДА

9 августа 1942 г. 23 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 6 часов 10 августа подчинить Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику Еременко, оставив за т. Еременко командование и Юго-Восточным фронтом по совместительству.
2. Назначить заместителем к тов. Еременко по Юго-Восточному фронту генерал-лейтенанта тов. Голикова, освободив его от обязанностей командующего 1-й гвардейской армией.
3. Назначить генерал-майора т. Москаленко командующим 1-й гвардейской армией.
4. Назначить командира 10-й дивизии войск НКВД полковника Сараева начальником гарнизона г. Сталинград.
5. Иметь в виду как т. Еременко, так и т. Гордову, что оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и с юга на Сталинград, имеют решающее значение для всего нашего советского фронта.

Верховное Главнокомандование обязывает как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 136. Л. 6, 7. Подлинник.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ

№ 7

20 сентября 1942 г.

Действующая армия.

Товарищи бойцы, командиры и политработники!

Уже скоро два месяца как гитлеровские стервятники рвутся к Сталинграду. Через горы трупов своих солдат и офицеров уничтоженных нашими славными воинами Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, кровавый Гитлер снова и снова гонит свои ослабленные части в бой. Главный удар пришелся на части Юго-Восточного фронта, защищающие непосредственно Сталинград. Они героически, с гордостью обороняют город, который носит имя Великого Сталина, отбивая ежедневно по несколько атак танков и пехоты противника.

За этот период времени отбито более ста атак противника, при этом бойцы, командиры и части в целом проявили исключительное упорство в борьбе и небывалый героизм.

За это время уничтожены сотни танков и много другой техники врага, истреблены тысячи фашистских солдат и офицеров.

Сейчас враг находится у стен Сталинграда. Враг, истекая кровью, продолжает рваться к городу.

Задача войск Сталинградского фронта скорее, в кратчайший срок оказать помощь своим братьям, защитникам Сталинграда, а войскам Юго-Восточного фронта еще упорнее защищать город, нанося контрудары по зарвавшемуся врагу.

ВСЕМ ВОЙСКАМ ДЕЙСТВОВАТЬ РЕШИТЕЛЬНО И СМЕЛО, БЫСТРО И ХРАБРО!

АРТИЛЛЕРИСТАМ сильным огнем прокладывать путь танкам и пехоте, уничтожать противотанковую артиллерию и танки врага.

ГВАРДЕЙЦАМ МИНОМЕТЧИКАМ накрывать своим мощным огнем боевые порядки врага, его скопление, контратакующие группы, прокладывать путь пехоте и танкам, держать связь с пехотой, не отставать от нее, выдвигаться вперед и преследовать врага огнем.

ТАНКИСТЫ! Стремительно врзайтесь в боевые порядки врага, стреляйте с хода, уничтожайте врага огнем и давите гусеницами.

ПЕХОТА своим мощным минометным, автоматическим и ручным огнем истребляйте врага всюду, где бы его ни встретили, бегом выдвигайтесь за танками, от танков не отставая. Танки прикрывают пехоту, а пехота танки. Нет танков — двигайтесь без них. Быстрота удара решает успех боя.

БРОНЕБОЙЩИКИ! Уничтожайте танки и бронемашины противника; ударяя в бок танки, нанесешь больше потерь врагу.

ЛЕТЧИКИ-ИСТРЕБИТЕЛИ! Смелее атакуйте врага в воздухе.

ШТУРМОВИКИ И БОМБАРДИРОВЩИКИ! Бесстрашно атакуйте и беспощадно уничтожайте прицельным огнем врага на земле. Ни одной бомбы по пустому месту!

Требую от всех войск величайшего напряжения и героизма, от всего командного состава — непосредственного руководства в бою.

Пусть не дрогнет рука ни у одного воина в этой великой битве.

Трусам и паникерам нет места в наших рядах.

Общая задача всех родов войск — уничтожить врага под Сталинградом и положить начало его разгрома и очищения нашей страны от кровавых захватчиков. Мы этого добьемся обязательно, для этого у нас сил и средств достаточно.

Отостим варварам — поджигателям войны, разорившим наши села, города и заводы, опозорившим наши семьи, пролившим много крови нашего мирного населения.

НЕТ ПОЩАДЫ ВРАГУ, ВПЕРЕД, СМЕЛО В БОЙ! ТАКОВ ПРИЗЫВ РОДИНЫ, ТАКОВ ПРИКАЗ ВЕЛИКОГО ВОЖДЯ СТАЛИНА!

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, экипажах и командах.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО
ФРОНТОВ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ЕРЕМЕНКО
ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА СТАЛИНГРАДСКОГО
И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ Н. ХРУЩЕВ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КОВАЛЕНКО

(Подписи отсутствуют, приказ типографского издания)

ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 278. Д. 4. Л. 168.

ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА С КОМАНДОВАНИЕМ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

24 сентября 1942 г.

Начало 05 ч 25 мин

Конец 08 ч 45 мин

У аппарата Ф. Е. БОКОВ.

У аппарата А. И. ЕРЕМЕНКО, Н. С. ХРУЩЕВ. Просим Вас принять и передать товарищу Сталину следующее.

Товарищу Сталину.

Уже два месяца длится сражение под Сталинградом. Фронт активных действий — на участке р. Дон, Сталинград, Красноармейск.

Всеми видами разведки и опросом пленных установлено, что здесь действуют тринадцать пехотных дивизий (384, 305, 76-я, венгерская пд неуставленной нумерации, 95, 389, 295, 71, 94, 297, 371-я пд немецкие, 20 и 2-я пд румын); три мотодивизии (3, 60 и 29-я мд); четыре танковые дивизии (16, 24, 14-я тд и тд неуставленной нумерации). Всего двадцать дивизий, 480–550 танков, 1100–1200 орудий и 600–650 самолетов всех типов и марок (сведения о самолетах подтверждены неоднократно аэрофотографированием)...

Характеристика войск противника

Части противника понесли значительные потери и в настоящий момент в среднем по каждой дивизии насчитывают по 65–70% личного состава и до 60% боевой техники. Нахождение противника на таком относительно высоком численном уровне дивизий объясняется тем, что он беспрепятственно бросает пополнения, вводя их в бой с ходу, используя маршевые батальоны, штрафные роты, тыловые части, саперов, которые ранее не принимали участия в бою как пехота (например: 71-я пд, истрепанная, пополняется маршевыми батальонами из австрийцев и поляков, 295-я пд получила на пополнение 4 и 9 штрафные роты, 14-я тд получила на пополнение саперный батальон и т. д.).

Под Сталинградом в состав германской армии входят следующие национальности: немцы, австрийцы, поляки, венгры, румыны. В составе ВВС — авиация Германии, Румынии и Италии.

Все это в процессе боев перемешалось. Это показывает, что не от хорошей жизни делается приказами командующих 6-й германской армией генералом Паулюсом и 4-й танковой армией генералом Готом. Следует отметить, что на севере от Сталинграда войсками противника руководит командующий 6-й армией, а с юга и запада — командующий 4-й танковой армией. Оба эти генерала, возглавляющие армии, не блещут особыми способностями — тупые, но упорные подлецы. Основной фигурой, которая их спасает, является командующий 8-м воздушным корпусом генерал-полковник Рихтгофен. Можно еще отметить, как способных и смелых генералов, это командира 29-й мд генерала Фроммери, командира 14-й тд генерала Кюна и 24-й тд — Хауншильда. Ну, а о таких генералах, как командир 6-го ак румын Драголина, командир 20-й пд румын Георгеску, 2-й пд румын Тудосе, как и о их войсках, можно сказать, что они серьезной силы не представляют и выглядят как генералы отступления, как дивизии отступления.

Какие можно сделать выводы о противнике?

Первый. Войска противника понесли под Сталинградом колоссальные потери: по самым скромным подсчетам с 6 августа по 20 сентября убито солдат и офицеров 25–32 тысячи человек, ранено солдат и офицеров 80–112 тысяч человек, сбито и повреждено 1156 самолетов, уничтожено 250–300 орудий, сожжено и подбито 550–600 танков.

Второй. Тот наступательный порыв, который имели фашисты, с каждым днем падает, хотя они и стараются все собирать и бросать на пополнение и тем самым удержать на известном уровне боеспособность своих частей, с удержанием инициативы действий в своих руках. Но кривая с каждым днем начинает падать, противник заметно выдыхается. Упорство наших войск под Сталинградом значительно сломило дух фашистских войск и темпы его наступления, несмотря на упорное желание овладеть городом Сталинград и сосредоточение здесь лучших пехотных, танковых и моторизованных дивизий и в особенности авиации. Несмотря на это, Сталинградом овладеть ему не удалось.

Третий. Тщательным наблюдением за подходом резервов противника установлено, что подхода свежих частей и соединений не отмечается, а пополнение идет, как я указал выше, путем пополнения действующих частей разными командами, штрафными ротами, аэродромными батальонами и другими огрызками. Это показывает, что резервы противника иссякают.

Что можно сказать о своих войсках?

Первое. Войска Юго-Восточного фронта, выдержав в этом сражении, которое еще далеко не кончилось, я бы сказал, небывалые атаки по своей мощи и силе огня, и особенно авиации, нанесли колоссальные потери противнику, причем при наличии очень несовершенных оборонительных сооружений под Сталинградом, выстроенных в три ниточки, без достаточной глубины и во многих местах безграмотно построенных в тактическом отношении, не говоря уже об оперативной обороне в целом.

Второе. Не было ни одного случая, почти не было, чтобы наши части дрогнули, поддались панике и бежали с поля боя. Диву даешься, наблюдая, когда противник наносит массированные удары авиацией. Кажется, что места живого не осталось в районе бомбежки, причем за бомбежкой следуют атаки танков и пехоты противника. А в результате защитники г. Сталинград останавливают танки и пехоту противника, отбивая их атаки и контратаки.

Нужно отметить как солидного и хорошо показавшего себя командарма-64 генерал-майора тов. Шумилова. Тов. Чуйков последнее время тоже неплохо работает. Нужно отметить и такого командира, как командир 133-й тбр полковник Бубнов, который в течение месяца принимал участие со своей бригадой на направлениях главных атак и контратак противника, сохраняя при этом постоянную боеспособность бригады на уровне 20 танков КВ.

Что сейчас происходит под Сталинградом?

Противник вклинился в город в его западной части на участке в 6–7 км и на участке Купоросное, пригород Минина, вышел на берег р. Волга. 9/10 города мы держим в своих руках, причем районы промышленных предприятий как на юге города, так и на севере также в наших руках. Вся трудность заключается в том, что противник своим минометным, артиллерийским огнем и авиацией здорово воздействует на наши переправы и страшно затрудняет как переброску нашим частям на западный берег р. Волга пополнения, боеприпасов, продовольствия, так и эвакуацию раненых. Главное еще и не в том, что противник обстреливает переправы, а в том, что он уничтожает наши переправочные средства.

С севера помощь затянулась. Это главным образом и усложнило положение войск, защищающих Сталинград. Но дух войск по-прежнему остается высоким, твердым и непоколебимым.

По Сталинградскому фронту

Я только 23.09.1942 г. в 7.00 утра вернулся со Сталинградского фронта. Там на месте я убедился, что войск и средств усиления там много. На фронте главного удара (левое крыло) действует двадцать две дивизии с большими средствами усиления и, казалось бы, что с этими войсками можно было бы не только наступать, но можно было бы на брюхе ползти и быть в Сталинграде.

В чем основная причина наших неудач

Основная причина:

- а) это неумение командиров дивизий организовать бой, видеть этот бой, влиять на ход боя;
- б) низкая требовательность;
- в) и самое плохое, самое похабное, я бы сказал, это то, что командиры дивизий и полков не знают, что перед ними, какой противник, не изучают врага и часто начинают бой, ведут артподготовку почти по пустому месту. Я разговаривал с семнадцатью командирами дивизий и тремя командующими (66, 24 и 1-й гвардейской) армиями. Выяснилось, что за десять дней действий ни одна дивизия не захватила ни одного пленного (это при наступательной-то операции) и совершен но никто не знал из них, удивительно, что ни один из них не знал (!) кто перед ним, какой противник и сколько его. Ведь при наступлении 18 сентября 1942 г. на фронте двух ударных армий — 24-й армии и 1-й гвардейской — было всего четыре полка противника против наступающих двенадцати дивизий. Противник явно был захвачен врасплох, и все же операция не удалась.

В чем основная причина неудачи?

Если неудачи первых двух наступлений объясняли тем, что не было времени, спешкой, то тут дано было и время, и превосходство перед врагом, за исключением авиации, а успеха нет.

В чем же причина?

Я эту причину вижу прежде всего в том, что, не имея данных о противнике, полки и дивизии атаковали предполье и свой артиллерийский огонь по сути дела был направлен по пустому месту. И, второе: выдвигения частей пехоты за танками не было. [Немецкие] автоматчики остановили передовые части, а все задние застопорились из-за глубокого построения. Появление сильной

авиации противника над полем боя прижало части к земле, так как маскироваться на открытой местности очень трудно. Воздействие авиации противника было очень сильное, так как дивизии имели участок от одного до полутора км фронта, создавали большую плотность, вследствие чего каждая брошенная бомба с самолета противника попадала по цели. Командный же состав не понял того, что, чем больше лежишь на месте, тем больше несешь потери от авиации. Наоборот, при движении, и особенно когдаходишь в огневую связь с противником, вклиниваешься в его боевые порядки, потерь меньше, так как затрудняется воздействие авиации противника по нашим войскам из-за боязни поразить своих. Кроме того, пехота наша потеряла душу пехоты, из такого сильного автоматического оружия, которое мы имеем, из такого мощного пехотного оружия, которым она вооружена, совершенно не ведет огня, не ведет настоящего пехотного боя, то есть того, чем она [должна быть] сильна.

Противник десятками автоматчиков, находясь с обороне, сдерживает целые полки при наступлении, а наша пехота с ними не вступает в огневое единоборство. Только и слышно на поле боя артиллерию, РС'ы и авиацию. Ручная граната совсем забыта на поле боя.

Противнику выгодно, когда мы скученно наступаем и на узком фронте, потому что он, имея подвижные части, быстро их стягивает на это направление и имеет при этом возможность наносить сосредоточенные удары с воздуха.

Я считаю, что в данных конкретных условиях и при таком перевесе в наземных войсках, которые мы имеем здесь, нужно наступать в трех — четырех направлениях с тем, чтобы рассредоточить усилия противника, лучше использовать свои войска и технику.

Я такое решение там на месте принял: усилить удар на правом фланге 1-й гв. армии и на левом фланге у тов. Малиновского. Товарищ Жуков это решение утвердил.

Неуспех наступлений во многом зависел и от того, что штаб Сталинградского фронта неспособен к управлению войсками. Сам товарищ Гордов не особенно четкий человек, и с контролем у него некрепко поставлено дело, а главное то, что товарищ Гордов очень ошибается в людях и не умеет подобрать аппарат. Он хвалил здорово Никишева, а Никишев оказался совершенно неспособным к роли начальника штаба. Он хвалил тов. Коваленко, который допущен к должности начальника штаба, этот тоже не организатор и не администратор, совершенно безрукий человек. Начальник оперативного отдела Рухле никчемный человек, боящийся ответственности, неточный, неаккуратный и притом трус.

Несмотря на то, что т. Жуков и т. Маленков там провели большую работу в организации наступления и помощи фронту, штаб не справился, не сумел обеспечить руководство и управление проводимой операцией.

Я считаю, что дальнейшее пребывание т. Коваленко на должности начальника штаба, которого я просил допустить по просьбе товарища Гордова, и товарища Рухле на должности начальника оперативного отдела невозможно.

Прошу Вашего распоряжения о назначении на их места из резерва Ставки, так как кандидатов у меня нет.

По всем тем вопросам, которые я здесь затронул, будучи там на месте с товарищем Хрущевым, мы приняли ряд мер по устранению всех отмеченных организационных, оперативных и тактических недочетов.

С 7:00 23.09.1942 г. я нахожусь на КП у Сталинграда.

Еременко, Хрущев. 23 сентября 1942 г. 08 ч 30 мин.

Товарищ Боков, я прошу незамедлительно доложить этот материал товарищу Сталину. Еременко, Хрущев.

БОКОВ. Сегодня будет доложено товарищу Сталину. У меня вопросов нет. До свидания. Боков. 8:45 24.09.1942 г.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 170585 ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СТАВКИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ [А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ И Г. М. МАЛЕНКОВУ] ОБ ОТВОДЕ ВОЙСК 62-й И 64-й АРМИЙ НА СРЕДНИЙ СТАЛИНГРАДСКИЙ ОБВОД

25 августа 1942 г. 05 ч 15 мин

Меня поражает то, что на Сталинградском фронте произошел точно такой же прорыв далеко в тыл наших войск, какой имел место в прошлом году на Брянском фронте, с выходом противника на Орел. Следует отметить, что начальником штаба был тогда на Брянском фронте тот же Захаров, а доверенным человеком тов. Еременко был тот же Рухле. Стоит над этим призадуматься. Либо Еременко не понимает идеи второго эшелона в тех местах фронта, где на переднем крае стоят необстрелянные дивизии, либо же мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта.

Как вы думаете использовать дивизии, подходящие с севера в район Себряково, в какие армии думаете их включить? Как работает наша авиация? Живы ли Еременко и Хрущев.

Как видно из донесения Лопатина, противник свободно переправляет свои части в районе Котлубани на восток от Дона. Это значит, что он будет прорывать следующий обвод Сталинграда.

По-моему, следовало бы отвести Лопатина, а также и 64-ю армию на следующий обвод, восточнее Дона. Отвод надо произвести скрытно и в полном порядке, чтобы он не превратился в бегство. Надо организовать арьергарды, способные драться до смерти, чтобы дать отойти частям армии.

Наступление 1-й гвардейской армии согласно вчерашней директиве уже не осуществимо в данный момент. Ей надо поставить задачу на оборону и прочно удерживать плацдарм, так же как и 63-й армии. Жду немедленного ответа.

И. СТАЛИН

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 160, 161. Подлинник.

¹ Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1968. С. 133.

² Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 195.

³ Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 20.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 352.

⁵ Кудряшов О. Н. Новые аспекты истории Сталинградской битвы.

⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 349.

⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 356.

⁸ Там же. С. 362.

⁹ Дёрр Г. Поход на Сталинград. / пер. с нем. М., 1957. С. 44.

¹⁰ Еременко А. И. Сталинград. М., 1961. С. 135.

¹¹ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. М., 1968. С. 294.

¹² Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 197.

¹³ Ф. 220. Оп. 451. Д. 42. Л. 113.

¹⁴ Крылов Н. И. Сталинградский рубеж. М., 1979. С. 247, 248.

¹⁵ Еременко А. И. Сталинград. М., 1961. С. 293.

¹⁶ Там же. С. 263.

¹⁷ Чуянов А. С. На стремнине века. М., 1977. С. 216.

¹⁸ Киселев В. Н. Командарм Хрюкин. Волгоград, 1996. С. 50.

¹⁹ Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 160.

- ²⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 400.
- ²¹ Христофоров В. С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008. С. 77.
- ²² Христофоров В. С. Указ. раб. С. 74–76.
- ²³ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 226.
- ²⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (2). М., 1996. С. 411.
- ²⁵ Еременко А. И. Указ. соч. С. 228.
- ²⁶ Куманев Г. А. Сталинградская битва. М., 2007. С. 503.
- ²⁷ Ф. 220. Оп. 451. Д. 157. Л. 5–7.
- ²⁸ Исаев А. В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 270, 271.
- ²⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1988. С. 320.
- ³⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 252–254.